

Разнообразие определений терроризма, предлагаемое зарубежными и отечественными специалистами, затрудняло формирование единой теоретической основы мировой практики в борьбе с терроризмом. Многие ученые вообще не считают возможной выработку определения терроризма. Характерна также не разработанность этой проблематики и в уголовном праве, и в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь. В то же время поиск путей выработки единого направления борьбы с терроризмом предполагает и разработку соответствующего единого определения понятия. Учитывая детальное изучение всех составляющих, которые должны быть отражены и осмыслены, представляется, что на данном этапе разработки дефиниции требуется некоторое сужение понятия, ибо это может принести конкретную практическую пользу.

По нашему мнению, терроризм – это запланированная форма применения насилия либо его угрозы, которая провоцирует страх среди населения и ставит цель принудить правительство, общественность или отдельных лиц к удовлетворению выдвинутых требований. Разумеется, данное определение не является всеобъемлющим. Тем не менее гораздо важнее, на наш взгляд, выделить терроризм из ряда других явлений социально-политической жизни государства и международного сообщества в целом, обозначить его виды и формы проявления, что позволит, в свою очередь, разработать эффективные методы борьбы с ним.

Экстремизм также получил в настоящее время достаточное распространение. Мировая общественность с тревогой следит за тем, как экстремистские действия пронизывают все сферы общественной жизни.

Активно научный поиск путей и средств противодействия экстремизму осуществляют Ю.И. Авдеев, Д.И. Аминов, В.Ф. Антипенко, Н.Н. Афанасьев, В.И. Власов, Б.И. Гальперин, А.И. Долгова, А.Г. Залужный, А.Ф. Истомин, В.Ю. Сокол, Н.А. Романов, Н.Е. Макаров и др.

В широком смысле экстремизм определяется как приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике). Как научное понятие термин «экстремизм» использовал в начале XX в. французский юрист М. Лерой, который основным отличием данного политического течения назвал требование от своих приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы. Пример экстремистских политических сил по М. Лерою – «красный экстремизм» большевиков и «белый экстремизм» монархистов.

При формировании понятия экстремизма ученые объединились в некоторые группы, представители которых отстаивают разнообразные позиции при исследовании проблемы экстремизма в современной науке. Так, распространена точка зрения, которая представляет экстремизм как способ радикального отрицания общественных норм, основанный на приверженности крайним взглядам и действиям, крайним взглядам и мерам.

А.Ф. Истомин и Д.А. Лопаткин понимают под экстремизмом деятельность по распространению таких идей, течений, доктрин, которые направлены на ликвидацию самой возможности легального плюрализма, свободного распространения и обмена идеями; разделение людей по классовому, имущественному, расовому, национальному или религиозному признакам; отрицание абсолютной ценности прав человека.

Иная точка зрения отождествляет экстремизм, терроризм и насилие, которая, по нашему мнению, является наиболее верной. Например, А.С. Исаков подчеркивает непосредственную близость проблем «экстремизм» и «терроризм».

Перечень наиболее распространенных форм и разновидностей терроризма и экстремизма с выявлением их специфики был бы неполным, если бы мы не рассмотрели одну из самых распространенных, самых опасных его форм – криминальный терроризм. В структуре различных видов терроризма и экстремизма он занимает особое место.

С.Н. Абельцев выделяет криминальный терроризм и связывает его с криминальным насилием. Преступную деятельность в этом смысле он называет экстремистской деятельностью. С.Н. Абельцев употребляет такой термин, как «синдром криминального экстремизма» и связывает его с такими понятиями, как общеуголовные террористические акты, террористические преступления, преступления террористического характера. По его мнению, все эти «экстремистские акты» следует рассматривать в системе криминального насилия. Соответственно положениям, разработанным Е.С. Гундарем, можно говорить о криминальном экстремизме как крайней форме терроризма.

Таким образом, практика показывает, что экстремизм становится орудием и средством преступной деятельности в процессе достижения преступниками своих целей. Им выгодно использовать экстремизм (именно как орудие и средство), потому что различные его криминальные формы позволяют быстро получить желаемый результат от преступлений террористического характера. Проникновение криминального экстремизма во все сферы жизнедеятельности превращает его в угрозу жизни и здоровья личности, граждан. Такую же угрозу создает и терроризм. В этом несомненна связь криминальных явлений.

УДК 343:342

А.И. Лукашов

О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В соответствии с белорусским законодательством уголовная и административная ответственность – самостоятельные виды юридической ответственности. Вопросы уголовной ответственности регулируются уголовным законом, вопросы административной ответственности – Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и законодательными актами Президента Республики Беларусь, вместе составляющими законодательство об административных правонарушениях.

В ст. 1 УК и ст. 1 КоАП очерчен не совпадающий между собой предмет правового регулирования этих законодательных актов. Установлены в УК и КоАП самостоятельные основания уголовной и административной ответственности (совершение соответственно преступления и административного правонарушения). Имеются законодательные определения понятий «преступление» (ст. 11 УК) и «административное правонарушение» (ст. 2.1 КоАП), а также иные положения, направленные на проведение четкой границы между названными видами юридической ответственности.

Приведенные принципиальные положения свидетельствуют о недопустимости включения в УК и КоАП норм, которые бы нивелировали границу между уголовной и административной ответственностью. Наличие этих принципиальных положений обязывает законодателя и Главу государства, наделенного правом принятия законодательных актов, предусматривающих административную ответственность, не вводить в уголовный закон и законодательство об административных правонарушениях нормы, которые позволяли бы применять уголовную ответственность за совершение административного правонарушения и административную ответственность за совершение преступления. Между тем такие нормы нашли закрепление в момент принятия УК в 1999 г.

и законодательства об административных правонарушениях в 2003 г. Число их продолжает прирастать как ввиду сознательных актов законодателя и Президента Республики Беларусь, так и вследствие допускаемых ими неточностей и ошибок.

В УК и КоАП отсутствуют правила разрешения коллизий между нормами уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях. Общие правила разрешения подобных коллизий, предусмотренные ч. 10 ст. 10 и ч. 2 ст. 71 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», не принимаются во внимание не только органами правоприменения, но, подчас, и теоретиками права. Для того чтобы их применить, нужно иметь достаточно высокий профессиональный уровень, позволяющий выявить такие коллизии. Например, немалому числу правоприменителей ничего не известно о существовании коллизии между ч. 1 ст. 11.2 КоАП «Нарушение установленного порядка осуществления валютных операций» и ст. 233 УК «Незаконная предпринимательская деятельность», между ст. 233 УК и ч. 2 ст. 12.7 КоАП, имеющей такое же название. Те же из них, которые замечают эту коллизию, решают вопрос в пользу применения уголовной ответственности вместо привлечения виновных к административной ответственности. Между тем повторное совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 11.2 и ч. 2 ст. 12.7 КоАП, не может служить основанием для их оценки в качестве преступления, предусмотренного ст. 233 УК. В силу ч. 2 ст. 7.1, п. 2 ч. 1 ст. 7.3 и ч. 5 ст. 7.4 КоАП повторность административного правонарушения – это лишь обстоятельство, отягчающее административную ответственность, учитываемое при наложении административных взысканий.

Прошло более 10 лет со дня введения в действие УК 1999 г. и только сейчас в парламент внесен проект закона, только отчасти разрешающий указанную коллизию (предусматривается установление уголовной ответственности по ст. 233 УК за запрещенную предпринимательскую деятельность, увы, без определения того, что следует понимать под такой деятельностью).

Противоречат принципам уголовной и административной ответственности, основаниям этих видов ответственности нормы УК и КоАП, предусматривающие применение административной ответственности за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжких преступлений. Для этого используется институт освобождения от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности, упраздненный в стране в 1994 г. и возрожденный в УК 1999 г. (ст. 86 УК и соответствующие ей ст. 6.5 и 6.6 КоАП, ст. 30 УПК). Отсутствие в ПИКоАП и УПК норм, определяющих процедуры прекращения производства по уголовному делу и наложения административных взысканий, отчасти компенсируется разъяснениями пленума Верховного суда Республики Беларусь, данными в постановлении от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности».

Лица, совершившие преступление, за которое может быть назначено наказание до семи лет лишения свободы, привлекаются к административной ответственности органами уголовного преследования (следователем с согласия прокурора или прокурором) и судом. При этом сокращается доля решений, принимаемых судом (согласно статистическим данным Министерства внутренних дел в 2012 г. доля таких решений составила 10,1 %).

Практика прекращения уголовных дел в связи с привлечением к административной ответственности принимает в стране все более широкие масштабы (в 2010 г. вынесено 121 такое решение, в 2011 г. – 1308, в 2012 г. – 2379), в том числе, как представляется, и вследствие мер по реализации Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, предусматривающей расширение этой практики.

Игнорируя концептуальные положения об основаниях административной и уголовной ответственности, законодатель в конце 2010 г. идет на введение в КоАП нормы, ранее не известной белорусскому законодательству, позаимствованной им из ч. 3 ст. 2.1 КоАП Российской Федерации.

Дополнением ч. 7 ст. 4.8 КоАП вводится административная ответственность юридического лица за совершение преступления, совершенного его должностным лицом. Иначе говоря, основанием административной ответственности юридического лица признается преступление, за совершение которого должностное лицо этого юридического лица привлечено к уголовной ответственности. Указанной новеллой законодатель компенсировал отсутствие уголовной ответственности юридических лиц. Решение вопроса таким путем едва ли согласуется с принципами правового государства.

Имеются и иные отступления законодателя от принципов публичной ответственности (политика установления в КоАП в отношении физических лиц штрафных санкций, существенно превышающих уровень штрафных санкций уголовного закона; изъятие из принципа презумпции невиновности для отдельных категорий административных правонарушений; неупорядоченность вопросов конфискации имущества и специальной конфискации в уголовном законе и законодательстве об административной ответственности, несопоставимость в этой части норм УК и КоАП между собой и с нормами Гражданского кодекса и др.). Такая законодательная политика размывания границ уголовной и административной ответственности не находит противодействия со стороны Конституционного суда Республики Беларусь. Полагаем, она требует корректировки, в том числе и радикальной, связанной с отказом от административной ответственности как таковой и переводом всех административных правонарушений в разряд уголовных проступков.

УДК 343.214

В.В. Марчук

ФОРМУЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕЕ СВОЙСТВА

Под формулой квалификации преступления следует понимать содержащееся в соответствующем процессуальном акте указание на статью или совокупность статей УК либо комбинацию статей Общей и Особенной части УК, определяющей результативный аспект уголовно-правовой оценки совершенного преступления.

При рассмотрении вопросов об уголовно-правовой оценке преступлений многие правоведы обращают внимание на необходимость соблюдения требований о точности и полноте в процессе квалификации преступления. В последних научных исследованиях многие зарубежные авторы (А.И. Рарог, Р.А. Сабитов, А.В. Корнеева и др.) точность и полноту квалификации преступления стали выделять даже на уровне самостоятельных и специальных принципов квалификации преступлений.

Под точностью квалификации преступления правоведы единодушно понимают четкое указание в соответствующем процессуальном акте на статью (пункт и (или) часть статьи) УК. Положения о точности квалификации преступления несомненно име-